

9 МАР 1980

ИТАК, под общим руководством одного из старейших деятелей «Литературного наследства», доктора филологических наук С. А. Макашина завершено более чем десятилетний коллективный труд советских и чехословацких ученых. Вышли в свет «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого*.

Все здесь, в этом труде, необычно, все поражает масштабом — «Записки» заняли 2250 страниц большого формата «Литературного наследства», поражает объемом научно-организаторской работы, которая потребовалась ради выполнения этого поистине уникального начинания.

Прежде всего сам объект исследования — это не кто-нибудь, а Лев Толстой и его яснополянское окружение...

Лев Толстой в самые трудные, самые противоречивые, самые трагические годы — в последние шесть лет жизни, в последние дни, в последние часы и минуты.

Затем следует и автор «Записок»: доктор-словак Душан Петрович Маковицкий — фигура тоже по-своему необычайная: Маковицкий все свои знания, весь свой ум, все свои силы — одним словом, все свое человеческое — а в нем было так много поистине человеческого — в лучшем смысле этого слова — посвятил своим запискам в то время, когда они еще не были «Записками», и позже, когда они ими становились.

Достаточно упомянуть, что Маковицкий научился записывать яснополянские беседы на особые карточки, держа руку в кармане, он делал это, чтобы не смущать присутствующих, затем, нередко с помощью друзей и близких Толстого, участников бесед, он эти записки уточнял и редактировал.

Библиография воспоминаний и дневников о Толстом насчитывает более тысячи названий, но совершенно исключительное место по ценности и объему занимает дневник Маковицкого.

Труда, равного этому, нет в мировой мемуаристике.

Ни один из великих людей не приобрел памятника столь же грандиозного, как Толстой.

Но дело не сводится к личности Толстого, каковой бы эта личность ни была сама по себе, дело еще и в том, что Толстой, что Ясная Поляна были неким средоточием и нервом духовной жизни страны, а может быть, и мира. По всей вероятности, другой такой же точки на земле и не было.

Почти на каждой странице «Записок» мы чувствуем историю, Россию, мир в их событийном и духовном выражении.

Ну, вот небольшая часть из записки от 6 августа 1910 года, когда в Ясной Поляне гостил Короленко:

Короленко заговорил о якутах: — Якуты, когда убивают животных, прежде извиняются перед ними.

Короленко так красиво, живо говорил, что все мы обрадовались к нему: он был центром, а не Л. Н., а это заметил и пересел на другое место. Л. Н.: К какому учению примыкают их учение?

КОРОЛЕНКО: Вера якутов уже выработала понятие о едином боге. Есть у них две религии: более отвлеченная, возвышенная — о боге-духе, а другая — более прантическая — шаманская.

Л. Н.: Это во всех религиях — духовная основа и извращение внешнее, обрядное. И в браманизме, в буддизме.

Какой отдел ваши в журнале? («Русское богатство»).

— Литературный, то есть все вообще.

— Есть ли что хорошего в переводной или русской беллетристике?

— Нет. Немецкая художественная литература удивительно плоская. Французская — с известным оттенком... Я до сих пор перечитываю Диккенса, хотя там сентиментальность, добродетель всегда торжествует.

Л. Н.: Диккенс освещает тех людей, с которыми встречаешься.

КОРОЛЕНКО: Мне кажется, что это зависит от жизни; меняется, что-то, все основы жизни подвержены критике, а душа человека сама мечется постоянно. Сколько нужно было времени, чтобы такой тип, как гоголевский Петух, напился (точно дыня на огороде).

Л. Н.: Нет... не знаю. В жизни какое-то бесчисленное количество сочетаний, свойств. Некоторые типические черты выражают корни, и к которым мы присоединяем другие, характерные черты. Это нам обличает понимание людей.

КОРОЛЕНКО: Были ли типичные меняющиеся люди? (Везухов), у вас мы входим в область, когда меняется что-то в душе, и величайший труд художника — схватить это.

Л. Н. (возражая): Дело художника — многие мелкие черты, которые разлагаются в бесконечном множестве людей, сочетаясь в одном человеке. Когда я серьезно занимался писательством, то старался непосредственным чувством угадать тип; как трудно это сделать, а нынче я не думаю об исполнении; вижу, что все это только мечты. Но тип остается типом: не «меняющийся», а типичный. «Когда я вырасту большой», буду так писать. Я таких вижу, но уже не могу, я откупался (т. е. отписался).

КОРОЛЕНКО: Вот, может быть, мы и еще тип увидим.

И все это — лишь незначительная часть записки от 6.VIII.1910. кроме этого, там шел разговор о модернизме в поэзии («Короленко: Вот и думаешь иногда: такое явление — модернизм, декадентство — не может быть основано на выдумке: причину надо искать, она должна быть. — Причина — охватывающая толпу лживость, — сказал Л. Н.).

Здесь же речь идет еще и о музыке, о художественной вы-

ставке в Чикаго и о художнике Нестерове, о раскольниках, о земельных отрубках, о монастырях, о Мултанском деле, язычниках и жертвоприношениях, о журнале «Русское богатство», наконец, здесь зафиксированы и бытовые события дня: поездка верхами, записи о том, что «Софья Андреевна завладела Короленко и больше чем полтора часа рассказывала ему про свои отношения с Чертковым...»

Трудно переоценить значение документа, где так подробно, методично, шаг за шагом прослеживается весь день Толстого, его встречи, разговоры, суждения...

Все четыре тома «Записок» изобилуют иллюстративным материалом — фотографиями, и это огромное достоинство, когда вы не только читаете, но и видите...

литературоведения Словацкой Академии наук в Братиславе, ну и, само собой разумеется, издательство «Наука».

А чтобы еще раз подчеркнуть масштаб и доскональность этой работы, следует сказать, что одна, пятая, книга издания представит собою не что иное, как комментированные указатели к четырем основным томам.

Наконец, дело заключается еще и в том, если так можно выразиться, «сопровождении», в той увертюре, которая предшествует этому изданию, — здесь я прежде всего имею в виду статью выдающегося нашего ученого, ныне покойного В. Ф. Асмуса «Толстой в дневнике Маковицкого. Эпоха. Мирозозрение. Быт».

Многие знали Валентина Фердинандовича Асмуса как крупного философа, эстетика, литературоведа, в конце кон-

Колафы охватывает не только годы, предшествующие знакомству Маковицкого с Толстым, не только собственно яснополянский период, но и десятилетие, следующее после смерти Толстого, женитьбу Маковицкого на крестьянской девушке из деревни Ясная Поляна, его болезнь, его возвращение на родину, но все это опять-таки не само по себе, а в подчинении той задаче биографа Л. Н. Толстого, которую Д. П. Маковицкий перед собой однажды поставил и столь беззастенчиво исполнил.

Он стремился с магнитофонной, как сказали бы теперь, точностью зафиксировать беседы Толстого. Читать его записки порой нелегко, иногда они кажутся сумбурными и фрагментарными — но зато как бывает вознагражден читатель, пожелавший вникнуть в содержание подлинной (тут

ЕСЛИ в Ясной Поляне Толстой неизменно находился в окружении родственников и самых разных посетителей, в памяти которых сохранялись поступки Толстого, разговоры и быт усадьбы, то с уходом Толстого из дома единственным свидетелем на многие часы остался Маковицкий.

Только Маковицкий мог и начать, и кончить этот необычайный рассказ:

Уже в пролетке, на большаке, Толстой задал вопрос:

— Куда бы подальше уехать?

Я предложил в Бессарабию, к московскому рабочему Гусарову, который там живет с семьей на земле... «Только туда долго ехать», — прибавил я, — не из-за расстояния, а из-за медленного хода поездов и сообщений. Л. Н. ничего не ответил. Гусарова и его семью хорошо знает и любит. (28.X.1910).

31-го октября: Жар у Л. Н. поднимался. Я опасался воспаления легких и считал необходимым на первой большой станции остановиться. В 6.35 приехали в Астапово. Я поспешил к начальнику станции, который был на перроне, сказал ему, что в поезд едет Л. Н. Толстой, он заболел, нужен ему покой, лечь в постель, и попросил принять его к себе, сразу же сказал, что у Л. Н., вероятно, воспаление легких и придется пробыть ему дольше недели; спросил каная у него квартиру. Начальник ответил не сразу и отступил назад на несколько шагов — он мне не поверил. Рядом стоявший кондуктор подтвердил ему мои слова, и тут он сразу охотно согласился. Я спросил еще, чисто ли у них (полос оказался мытым вчера). Я попросил его задержать поезд и поспешил в вагон.

3-го ноября... вечером 37.8; деятельность сердца к вечеру несильно улучшилась.

Л. Н.: Не могу заснуть... Все сочиняю, пишу, складываю. Можно только писать или газету читать. Прочитайте «Голос Москвы» (последняя газета, которую Л. Н. просил прочитать. — Ред.).

«Голоса Москвы» не оказались. Я стал читать «Русские ведомости» от 2 ноября... Что о нем писали, просил пропустить. Слушал внимательно. Статью о тройном самоубийстве просил вырезать и положить ему в дневник (последняя статья, которую Л. Н. просил вырезать и отложить для него. — Ред.).

Л. Н. готовил, писал в последнее время, кроме статьи о социализме, еще статью о безумии, современной жизни, о самоубийствах.

6-го ноября. Оноло 2-х часов дня неожиданное возбуждение: сел на постель и громким голосом, внятно сказал присутствующим:

— Вот и конец!.. И ничего!

После ухода докторов остались у Л. Н. Татьяна Львовна и Александр Львовна. Л. Н. им ясно сказал:

— Я вас прошу помнить, что, кроме Льва Толстого, есть еще много людей, а вы все смотрите на одного Льва.

И еще сказал:

— Лучше конец, чем так.

7-го ноября (последние строки «Записок». — Ред.).

Мы с Никитиным разделили, переложили мертвое тело на другую кровать и обмыли с помощью фельдшера.

Потом одели в холщовую рубашку, подтанники (Чертуков), вязаные нитяные чулки, суконные шаровары и в такую же темную блузу (ремень оставил).

Конечно, я злоупотребил цитатами, но, как ни старался, не мог иначе. Вероятно, в этом случае иначе и не надо было: о «Яснополянских записках» только ими же, «Записками», и можно что-то существенное сказать, только через них можно уловить и нечто грандиозное, общечеловеческое и то философское, чем был Толстой, и другое — как бы противоположное первому: обычное, конкретное, свойственное отдельному человеку, даже если этот человек — Толстой.

В сопоставлении того и другого, в противоречии одного с другим и возникает фигура великого писателя и мыслителя, и время его жизни является перед нами как материал для исключительных по объему, широте и разнообразию мемуаров.

Но чтобы этот материал стал тем, чем он стал нынче, — четырехтомным, вполне законченным уникальным сочинением, — потребовалось почти шестьдесят лет неустанного труда самых разных людей.

Из них последние десять лет над этим памятником подвижнической работала редакция «Литературного наследства», и вот наше литературоведение, наша культура с гордостью может сказать: «Труд закончен!»

РУКОТВОРНЫЙ ПАМЯТНИК

Сергей ЗАЛЫГИН

Завершено издание «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого — монументального документа, посвященного последним годам жизни Л. Н. Толстого.

Например: «ТОЛСТОЙ ЗА ИГРОЙ В ГОРОДКИ». Ясная Поляна, 5 мая 1909 г. Фотография Т. Тапселя. Текст: «Л. Н. играл в городки. Тапсель его снимал в моменты, когда Л. Н. размахивался и пускал битой в рюхи». — Запись от 5 мая 1909 г.

Или: «КРЕСТЬЯНИН АРХИП ОСТАХОВ». Рисунок (акварель, белила) С. А. Толстой, 1904. Текст: «Софья Андреевна нам показывала... прошлогодний рисунок... мужика-мелкоземельника, спасшего жизнь Л. Н.». — Запись от 25 июня 1905 г.

Еще: «Н. Н. МИХЛУХО-МАКЛАЙ». Переснимок М. Конарского (Москва) с фотографии 1870-х годов. Текст: «Вечером Л. Н. просматривал фотографии, сделанные Софьей Андреевной, и другие [около 200]... Рассматривая их, Л. Н. рассказывал о разных лицах... О Миклухо-Маклае: «Это человек, который совершил величайший подвиг: поехал к диким, уничтожил оружие и стал с ними жить и запретил им воевать: они послушали его». — Запись от 10 августа 1905 г.

И фотография Миклухо-Маклая рядом с одним из абorigенов...

Редкостное умение вот так использовать иллюстрации, поддерживать, развивать и утверждать ими текст.

Есть у этого труда и еще одно примечательное и редкостное качество: он как бы весь на виду, и вот при желании читатель может получить полное представление о том, как он создавался: кем был и как вел свои записки доктор Маковицкий, как затем эти записки редактировались, уточнялись, сверялись с другими источниками в последующие 50—60 лет, где и когда публиковались прежде отрывки из них, каким образом в течение последних десяти лет составлялись все четыре книги первого полного издания «Записок».

Этой, если так можно выразиться, открытости огромного и сложного научного труда и его истолкованию способствует и специальная статья Э. Е. Зайденшурн «Яснополянские записки». Их место среди других дневников о Толстом. Обзор основного содержания. Предыстория публикации, а также редакционная статья «Источники текста. Принципы публикации. Библиография. Эдидиционно-текстологическая и библиографическая справка».

Той же задаче помогает, конечно, и «Предисловие автора».

Одним словом, здесь сосредоточены все материалы, способствующие наиболее полному пониманию читателем принципов, на которых этот труд построен, его источников, его истории.

Ведь все это обогащает мемуаристику и литературоведение в целом, дает им в руки пример и образец совершенной техники, очень многое дает и читателю...

«Вот как это делается. — узнает читатель. — вот как организуется огромный и сложный материал, вот как происходит и чего может достигнуть сотрудничество между целым рядом крупных научных учреждений».

В данном случае это «Литературное наследство», затем Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве, Карлов университет в Праге, Институ-

цов, как энциклопедиста, а вот в этом посмертно опубликованном труде его энциклопедичность проявилась вполне, здесь он, помимо всего прочего, еще и историк, и даже бытописатель.

Глубокая, подлинно научная, эта статья написана в то же время непринужденно, общедоступно, отнюдь не чуждаясь тех или иных деталей сложного явления того повышенного интереса, а иногда и попросту любопытства, которым не так уж редко отмечены работы исследователей и бытописателей Ясной Поляны.

Другая статья, как, безусловно, тому и следует быть, посвящена Д. П. Маковицкому и принадлежит перу пражского ученого С. Колафы.

Еще в первую свою встречу с Толстым в 1894 году Маковицкий поставил перед собой эту задачу — со всей возможной точностью и объективностью записывать за Толстым каждое его слово, запечатлеть живую его речь и речь других обитателей и посетителей Ясной Поляны: «В своих заметках буду всегда и во всем правдив и насколько могу точен: буду записывать только то, что сам видел или слышал, о чем достоверно не буду».

Уже одна эта записка требует того, чтобы читатель был как можно более полно осведомлен в отношении личности ее автора, и С. Колафа исполняет эту задачу, рисуя не только личность Маковицкого, его душевные качества и убеждения, но восстанавливая и ту картину общественной жизни и общественной структуры Словакии, в которых эти убеждения и взгляды сформировались.

Таким образом, перед читателем восстанавливаются уже не попутно, а вполне органически те духовные связи, интересы и общие устремления, которые существовали между Россией и Словакией — частью тогдашней Австро-Венгерской империи, а вместе с тем возникают и те ассоциации, те соображения, которые расширяют наши представления о Толстом как о личности международного плана, так или иначе проникающего в духовную жизнь каждого народа — славянского особенно.

«Биографический очерк» С. Д.

можно доверять Маковицкому) речи Толстого!

Вот из записей революционных дней октября 1905 года:

Татьяна Львовна сказала, что в такое страшное время, как теперь, не радость рожать. Л. Н., смеясь, сказал ей:

— Если родится мальчик, назвать Бунт, если девочка — Революцией Михайловной. Революция — это как у человека болезненное сердцебиение, высокий пульс: надо держаться осторожно. Революция — испытание человеку. Тут, чтобы не повредить, нужно ни слова не сказать лишнего, ни одного поступка легкомысленного не сделать... (17.X).

Л. Н.: ...Названия — милые люди, семейные. На постоялом дворе, где я привязывал лошадей, уезжал изаказ, прощаясь сердечным голосом: «Слава богу мирно простояли, никакого греха не было...» (19.X).

...Л. Н. говорил с Гусевым о Думе, о Витте, о Трепове, как разница между ними.

— Свободу мысли, главный двигатель жизни, они не могут ни запретить, ни освободить, — сказал Л. Н. — Дорогу мыслить которую я когда-то писал о Щедрина...

Л. Н.: В Думе будет каша: либералы, консерваторы, социал-демократы. Витте воспользуется обстоятельствами и подмигнет...

Л. Н. давно говорит, что революция на достижениях конституции не остановится. (21.X).

Накивин спрашивал, что нужно бы сделать теперь, в вихре революции?

Л. Н.: Кто же в силах это остановить? Никто не в силах... (28.X).

А мы все УЧИМСЯ у народа. Ломоносов, Державин, Карамзин — до Пушкина, Гоголя, и даже о Чехове можно это сказать, да и я. Как вижу эти лапти...

Татьяна Львовна: Полушубок...

Л. Н.: Обдерганные портики, посконную рубашку, сермягу — так он мне мил, так он мне дорог!

Л. Н. не может без слез говорить о крестьянах. Так он их любит. Их простодушие. Главное — непосредственность (29.X).

Полудни приехал харьковский крестьянин Щербань.

Приехал посоветоваться с Л. Н. об «освобождении земли от панов». План Щербана: поделить уезд на волости по 15 000 десятин (на 10 000 душ), 100 десятин отвести под сельскохозяйственную школу, а остальное — общинам в полное распоряжение; земля не может быть заложена, продана, арендуема...

Между прочим, Л. Н. сказал Щербану:

— При таком важном деле для всего народа надо заниматься и большинству народа, а не к тому, чего хочет малая кучка интеллигенции. А большинство народа нужна земля (31.X), 1 п.

* У Толстого. 1904—1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. «Литературное наследство», т. 90-й в 4-х книгах. Редакторы Э. Е. Зайденшурн, С. Колафа, Р. Тарновский, С. А. Макашина, М. В. Хваленко, Н. Д. Афанасьев, В. Р. Щербина.